

КРИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ: БЕСЕДА СО СЛАВОЕМ ЖИЖЕКОМ

Беседовал Иан Паркер

Эта беседа Иана Паркера и Славоя Жижека прошла в Любляне, Словения, в сентябре 2003 г. Жижек является одним из ведущих лаканианских теоретиков, одним из немногих, сочетающих Лакана с Марксом, и единственным, кто для обеспечения социальной и политической критики совмещает эти две фигуры с Гегелем. Эти отрывки сосредоточены на критической психологии и некоторых вопросах ее пересечения с теорией Лакана. Жижек дает комментарии по проблемам использования в критической психологии работы Фуко, роли Лакана и психоанализа в пределах и за пределами клиники. Он также подчеркивает, что для функционирования критической психологии необходима какая-то минимальная теоретическая база. Сноски указывают на ключевые тексты, к которым Паркер и Жижек обращаются в ходе беседы.

ИАН ПАРКЕР: Что я хочу сделать, это лишь описать в нескольких словах контекст, потому что есть люди, которые делают в психологии и критической психологии первые шаги.

СЛАВОЙ ЖИЖЕК: Каким образом эта критическая психология относится к Хольцкампу?¹

И.П.: Хольцкамп является одним из источников, которыми мы пользуемся, у нас есть связь с Хольцкампом, но сейчас некоторые критические психологи ничего о нем не знают.

С.Ж.: Эта критическая психология, является ли она кодовым словом для марксистской психологии?

И.П.: В некотором смысле это смесь тех вещей, и я хочу спросить вас, что это за смесь.

С.Ж.: Как она себя ставит по отношению к психоанализу и когнитивизму?

И.П.: Это варьируется.

С.Ж.: О, да у вас нет политического курса, да ведь это же анархизм!

И.П.: Она вышла из движения 1970-х, зародившегося в социальной психологии, пользовалась семиотическими идеями и следила за мнениями.

С.Ж.: Это из книги по семиотике, которую вы мне отправили. Кто является здесь первоисточником? Бахтин? Фрейдизм?²

И.П.: Первоначально это были такие люди, как Ром Харре, ученый-философ, который в конце 1960-х заинтересовался психологией³.

¹ *Holtzcamp, K.* On doing psychology critically. // *Theory & Psychology*. — 1992. — Vol. 2 (2). — P. 193—204.

² *Bakhtin, M.* *The Dialogical Imagination*. — Austin: University of Texas Press, 1981.

³ *Harré, R.* *Social Being: A theory for social psychology*. — Oxford: Blackwell, 1979.

С.Ж.: Я слышал о нем, но не знал, что он был критиком. Он был левым?

И.П.: Нет, он не левый. Концептуальная критика, которая для создания своего рода перформативного отчета того пути, где во взаимодействии появляется когнитивная структура, использует главным образом Остина¹.

С.Ж.: Но не Джона Серля², образец того, как вы превращаете перформативную теорию, теорию речевого акта в скучную дисциплину, это так скучно, он такой нудный. Для меня он образец того, как не нужно делать. Знаете ли вы, что он достаточно много пишет в центре?

И.П.: Меня это не удивляет.

С.Ж.: Нет, нет, нет. Позвольте рассказать вам два славных анекдота. Во время войны в Персидском заливе, его студенты, когда я десять лет назад был в Беркли, рассказали мне, что он показывал им фотографии своего сына на танке в Ираке, — «Видите, это мой сын», — показывал он на фотографию. Вы знаете, что он и его жена — адвокат правого крыла — возглавили целое движение за снижение налогового бремени, потому что они владеют домами и хотели понизить налоги на собственность. Они провели это обычное восстание правого крыла по снижению налогов. Да, он отвратителен. Он такой наглый.

И.П.: Обычная глупая работа по половым различиям, что-то, что легко критиковать, развитие личности, когнитивные процессы, психология развития составляют главные направления психологии, против которых мы себя настраиваем. Это стандартная психология, и критическая психология развилась как попытка исторически и политически определить психологию как дисциплину. Многих критических психологов интересует Фуко, потому что Фуко дает представление о дисциплине и наблюдении³, дисциплине психологии как части «Ψ-комплекса», связанного с психиатрией, а психоанализ является его частью.

С.Ж.: Не думаете ли вы, что есть что-то принципиально ошибочное относительно Фуко?

И.П.: Он полезен для критической психологии, потому что дает представление о наблюдении и изучении, частью которых, без сомнения, является психология, и он дает представление о том, как субъектов «Ψ-комплекса» побуждают признаться специалисту, побуждают говорить о себе в ходе лечения.

С.Ж.: Простите, а кто здесь «субъект» субъекта, только ли пациенты?

И.П.: Люди, являющиеся субъектами психологических тестов, субъекты терапии, приходящие на консультирование.

С.Ж.: Даже приходящие на консультирование, это уже за пределами клиники.

И.П.: Точно. Есть люди, которые рассматривают критическую психологию лишь как изучение языка и социального устройства всего того, что является психологическим, включая эмоции и так далее, это либералы в критической психологии. А есть еще критические психологи, которые пытаются и подрывают компетентность психологов и относятся к психологии как к исторически возникшей дисциплине, которая сокращает вещи до индивидуального уровня, что делает характеристики личности определяющими, и пытаются подорвать компетентность психолога и строить союзы с людьми, использующими услуги психологов. Так, например, в Британии достаточно сильное антипсихиатрическое движение.

С.Ж.: Да, это моя юность, мне это знакомо. Мне до сих пор нравится, помните фильм только начинающего Кена Лоака, как же он назывался, «Семейная жизнь»? Ладно, вы можете сказать, что это что-то вроде сталинской пропаганды антипсихиатрии, но это очень эффективная пропаганда.

И.П.: Именно, поэтому группы, с которыми мы работаем сейчас в Британии, являются своего рода последним проявлением антипсихиатрического движения. Есть,

¹ Austin, J.L. *How to Do Things with Words*. — Oxford: Clarendon Press, 1962.

² Searle, J.R. *Speech Acts*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1969.

³ Foucault, M. *Discipline and Punishment: The Birth of the Prison*. — Harmondsworth: Penguin, 1977; Foucault, M. *The History of Sexuality. Vol. I: An Introduction*. — Harmondsworth: Pelican, 1981.

например, группа под названием «Сеть слышащих голоса», это люди, которые слышат голоса. Они в буквальном смысле их слышат¹. Поэтому если они идут к психиатру, то им говорят, что у них шизофрения, и их могут поместить в больницу. Но они составляют сеть, которая дает разные объяснения тому, почему они слышат голоса, наподобие таких, что их мозг подобен компьютеру, или что существует телепатия, или что у них особый дар, или что голоса слышат все, но некоторые люди их подавляют.

С.Ж.: Нет ли опасности, что вы втянетесь в их игру?

И.П.: Что до меня, то мне все равно. Это открывает им пространство для возможности найти разные способы справиться со своими голосами, не соприкасаясь с психиатрией и психиатрической системой.

С.Ж.: Все понятно. Это хорошо.

И.П.: Это радикальное движение. Некоторые из сети слышащих голоса интересуются Фуко. Это неудивительно, они неглупы, они читают теорию.

С.Ж.: В этой сети, каковы положения этой сети, как их определить? В нее входят люди, которые сами слышат голоса, а как насчет психиатров, психологов, или как они называются? В эту сеть входят только те, которые слышат голоса?

И.П.: В сеть входят несколько психиатров, они поддерживают этих людей.

С.Ж.: Как психиатры избегают покровительства?

И.П.: Они не распространяются о сети, а иногда обеспечивают ей законность. Обеспечивают им поддержку, финансовую помощь или выступают на конференциях. Один из парадоксов антипсихиатрического движения в том, что во главе его всегда стояли психиатры; Р.Д. Лэнг был психиатром, Базалья был психиатром, и в этом вы можете видеть границы этого движения².

С.Ж.: Вы знаете, что он был в Триесте, там уже давно живут словенцы, а многие словенцы были сторонниками Базальи. Но несмотря на это, вы знаете про радикальный поступок, который он совершил двадцать лет назад, во времена практического опустошения, как вы их называете?

И.П.: Психиатрические больницы.

С.Ж.: Да, да, да, как ни назови. Тем не менее, в некотором смысле это воодушевило на то, что их отправили к своим семьям, где их не готовы были принять. Поэтому семьи часто нанимали сиделок для частного учреждения. Я понимаю пределы этих действий.

И.П.: Да, да, я был в Триесте в 1980-х и видел там общинные центры психического здоровья, но, разумеется, людей отправляли, в основном, обратно в семьи.

С.Ж.: Если у вас есть относительно компетентная психиатрическая больница, то для этих людей лучше, если их поместят туда.

И.П.: Вопрос в том, как превратить психиатрическую больницу в настоящее место убежища, чтобы, вместо лишения свободы, люди получили поддержку и лечение.

С.Ж.: Для этого вернемся назад, для этого вам нужна, по крайней мере, какая-то сумма денег и поддержка, в противном случае, это игра, в которую играют богатые, где они проводят свои эксперименты. Нет, нет, я с вами полностью согласен. Хорошо, сейчас вы описали этот проект. Каковы будут теоретические ссылки помимо семиотики?

И.П.: В чем-то марксизм с понятием того, что каждый человек является совокупностью социальных отношений, это понятия, взятые непосредственно у Маркса. И некоторые идеи из критической психологии Хольцкампа, которые будут у Ильенкова в теории деятельности.

¹ *Blackman, L.* Hearing Voices: Contesting the Voice of Reason. — London: Free Association Books, 2001; James, A. Raising Our Voices: An Account of the Hearing Voices Movement. — Gloucester: Handsell, 2001.

² *Laing, R.D.* The Divided Self: An Existential Study in Sanity and Madness. — Harmondsworth: Penguin, 1965; Basaglia, F. Psychiatry Inside Out: Selected writings of Franco Basaglia. — N. Y.: Columbia University Press, 1987.

С.Ж.: Это тот самый Ильенков, который еще и философ и который написал что-то про абстрактное и конкретное? Замечательная книга¹.

И.П.: Да, есть те, которые используют некоторые из его идей.

С.Ж.: Каким трагичным человеком он был. Я читал об этом в истории советской философии. Ильенков. Знаете, в чем была его проблема? Он был искренним марксистом, он действительно в него верил, и он убил себя, он был в таком отчаянии, потому что это было слишком. Дело в том, что у него было больше сложностей с номенклатурой, чем у тех, кто только играет в это лицемерие. Ладно, извините, давайте продолжим. Я не знал этого, я лишь определил Ильенкова как хорошего гегельянца, я не знал, что он им был.

И.П.: Его используют как критику когнитивной психологии; его используют как средство описания индивидуализированных понятий мысли и познания, рассматриваемого как набор модулей.

С.Ж.: Позвольте рассказать вам еще кое о чем. Вы слышали о книге, которая, не говоря, что великолепная книга, но интересная, написанной одним из, я придумал для них шуточный термин, одним из «левых деннетянцев»? Вы знаете человека по имени Бо Дальбом, который выпустил книгу под названием «Деннет и его критики», в ней было чудесное эссе, критикующее Деннета². Оно хорошо написано, и его идея состоит в том, что разум всегда в чем-то запечатлен. Тогда почему нельзя сказать сразу «вы знаете эту формулу общества разумов, почему не разумов в обществе?», и идея в том, что если вы принимаете Деннета до конца, вы должны отойти от этого индивидуалистического подхода, и вы получите, что вы материализуетесь в социальной сфере. Это очень хорошая левацкая критика Деннета, и они очень далеко идут в этом направлении, поэтому это понимание Деннета во многом левацкое. И опять они берут одну из идей Деннета, что индивида нет, что есть сложные рациональности, и еще у Деннета есть хорошая идея о том, что разум функционирует через внешние механизмы. Замечательна идея Деннета, что без государственных машин человек напоминает ошипанного цыпленка, гуся без перьев. Это действительно органично, однако, Дальбом делает лишь этот определенный шаг к такому Марксу, к социальным отношениям и так далее. Поэтому он в очень интеллигентной манере пытается критиковать Деннета.

И.П.: Значит, то, что мы делаем, это заимствуем.

С.Ж.: Нет, но я хотел сказать, что это потенциально прогрессивно. Есть возможность выделить некоторые части когнитивизма. В целом я бы не отказывался от этого.

И.П.: Согласен, но вопрос в том, каким политическим функциям служит психология? Вот что меня интересует, как получить те источники и вернуться к психологии и проводить с ними в психологии концептуальную работу. Вот чем занимаются люди в критической психологии, заимствуя идеи Фуко или Деррида, или Лакана.

С.Ж.: Что они получают из Деррида?

И.П.: Что они получают из Деррида, так это деконструкцию, деконструкцию, перестроенную как, ну, на самом деле, в двух направлениях. Одно направление — сократить все до различий в языке и игры смысла.

С.Ж.: Я с этим не согласен.

И.П.: И я с этим не соглашаюсь. Но это тот же подход, что у либеральной, либеральной критической психологии.

С.Ж.: Мне это нравится, вы понимаете разницу.

И.П.: И для некоторых из нас мы использовали понятие деконструкции, чтобы превратить его в более четкое политическое отличие между идеями, которым отдают предпочтение, и идеями, которые они, психологи, считают необходимой частью их

¹ *Ilyenkov, E.V.* The Dialectics of the Abstract and the Concrete in Marx's Capital. — Moscow: Progress Publishers, 1982.

² *Dennett and His Critics: Demystifying Mind.* / Ed. B. Dahlbom. — Chichester: Wiley, 1994.

архитектуры, и идеями, которые вы можете улучшить. Это деконструкция. Это трюк, политический трюк использования понятия деконструкции для разрушения иерархий привилегий концептов в психологии.

С.Ж.: А вы знаете, какая навязчивая идея у меня есть?

И.П.: Это в точности, как слышать голоса. Вы берете понятие слышания голосов и говорите, что такое мышление, если это не слышание голосов. Разве возможно быть человеком и думать, пока у вас нет некоего рода диалогических отношений с другими, вот, что такое мышление.

С.Ж.: Знаете, какой один из моих первичных страхов? Я знаю, что вы не собираетесь идти в этом направлении, но некоторые делезианцы ему следуют¹. Я не переношу такого рода жалкого фальшивого торжества сумасшедших, что они единственные непритворные и т. д. Я имею в виду, что так называемые сумасшедшие люди действительно тяжело страдают, некоторые из них, и не стоит играть с этим. Я не соглашаюсь с тем, что вы просто перетолковываете, что они истинно свободные люди. Это то, что я, да, я понимаю все это, как это социально сконструировано и т. д., но вы, тем не менее, должны иметь минимальную позитивную теорию, как это сконструировано, что такое человеческий разум и прочее.

И.П.: Почему?

С.Ж.: Я старомодный философ. Я говорю, что вы произвольно этим обладаете. Даже если вы говорите, что это социально сконструировано, или как там еще. В этом смысле, что было бы хорошо сделать в предложенном вами направлении, это посмотреть, даже в глупой форме, почему у теории Лакана иная социальная функция. Например, я говорил, что между Бразилией и Аргентиной уже существует большой разрыв. В Аргентине у среднего класса есть одинаковые левацкие полномочия, а в Бразилии — у высшего класса. Мне говорили, что в силу исторических причин существует традиция, что в богатой семье первый, старший сын наследует состояние, второй сын становится адвокатом или идет в политику, третий становится врачом, а для врача было модным, в какой-то степени, заниматься психоанализом. Мне также говорили, что одним из источников ведущего класса в самом простонародном смысле бразильских последователей Лакана является третий сын или дочь очень богатой семьи. Эта была моя единственная встреча с настоящим богатством. Меня приглашали на прием в Буэнос-Айрес, и там был человек из лаканианской группы из Рио, шеф бразильского «Фольксвагена», там было десять человек прислуги. А потом мы говорили о политической революции, и почему они стали марксистами и т. д.

И.П.: В Бразилии лаканианцы сказали мне, что марксистом был каждый!

С.Ж.: А потом у меня был ужасный опыт. Этот самый марксист вез меня на лекцию, и перед нами была пробка, машина сбила какого-то бездомного ребенка, который пытался перейти улицу, и мы видели закрытое тело мальчика, и этот человек сказал, что они плодятся, как кролики, и не могут даже управлять автомобилем. Вот у нас есть люди, которые могут быть марксистами на личностном уровне, и вы можете видеть, как четко они выделяются. Другой пример был в доме богатого лаканианского аналитика в Мексике, и он рассказывал о своей прислуге. Бедная девушка очень плохо понимала английский, а здесь это самое главное. Он жаловался на то, как трудно найти прислугу, как плохо они себя ведут и т. д. Он говорил мне все это, когда девушка была рядом, будто она не человек. Меня это ужаснуло, поэтому погодите немного.

И.П.: Хорошо, возвращаясь к психологии. Зачем нам нужна какая-то позитивная психология взамен старой? Некоторые критические психологи скажут, что психология им вообще не нужна. Нам нужно всего лишь перестроить психологию и превратить ее в серию языковых игр, в духе Витгенштейна, а не заменять ее чем-то еще.

С.Ж.: Но подумайте о политической экономии. Конечно, нет ничего сенсационного в том, чтобы сказать, что существует позитивная марксистская теория политической экономии. Это критика в самой своей основе. Суть в том, чтобы не заниматься

¹ Deleuze, G., Guattari, F. *Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia*. — N. Y.: Viking, 1977.

специальной отдельной наукой как позитивной. Я лишь говорю, что вы не можете так просто ее бросить, в том смысле, что все равно у вашей критики есть некоторые эпистемологические обязательства. Например, вы ведь утверждаете, что это не является основным, что это социально конструируемое. Единственное, что я хотел сказать, это то, что хотя Маркс не рассматривает политическую экономию как позитивную науку, тем не менее, это делают его критики, подразумевают, говоря наивным языком, определенные предпосылки того, как функционирует общество и т. д. Вот о чем я говорил. Не надо строить альтернативную позитивную систему, потому что вы не можете избежать обязательств в силу того, что вы релятивист. У вас целый набор обязательств, ну, обычно такого рода, как Эрнесто Лакло¹, Джудит Батлер², случайное строительство общества и прочее. Каковы будут обязательства, вот, что меня интересует. Вы говорите: «Почему не превратить ее в язык?» Боже, это очень сильное обязательство. Вы говорите, что наша идентичность это всего лишь фетишистский эффект перформативных языковых игр, но ведь это же настолько прочные общества, и вот это интересно. Что отличает вашу нелиберальную критическую психологию от постмодернистского понятия, вы же знаете, что все вещи это языковые игры, и смысл в том, чтобы не овеществлять их, посмотреть, как все социально устроено?

И.П.: Я думаю, два момента. Первый — это работа с людьми, которые пользуются услугами психологов, т. е. это политическая организация, возникающая в широких массах, а вторая — заняться исторической политической критикой функций психологии и обнаружить, что психология — это часть государственного аппарата. Разоблачить путь, по которому психология как дисциплина, практикуемая в школах, тюрьмах и клиниках, усиливает индивидуализацию личности.

С.Ж.: Это было бы замечательно.

И.П.: Когда я начал заниматься психологией, я уже был марксистом, и товарищи говорили, что мне не следует ей заниматься, потому что это буржуазная дисциплина, но я хотел ей заниматься именно потому, что она буржуазная. Мне хотелось знать, как она, будучи частью идеологической работы капитализма, работает, практикуется и функционирует, а также действует не только в идеологическом, но и в материальном смысле, предоставляя людям лекарства, подвергая их поведенческому лечению, нормализуя определенные типы поведения и тому подобное.

С.Ж.: Это то, что меня интересует. Главный вопрос в том, правда ли, что в последние годы происходит большой сдвиг, даже в высших слоях, по направлению к фармацевтике и т. д.? К примеру, я был шокирован, когда мы с друзьями сидели после беседы на каком-то глупом приеме, — я их ненавижу, — было около двадцати человек, и кто-то вдруг спросил об этих лекарствах: «Ладно, сколько человек принимают «Прозак», «Золофт», любое из них?», и за исключением двоих, почти 80% из них, практически все мои друзья сказали, что они принимают. Действительно, как люди не осознают, Американское научное общество, ну согласен, может я живу среди сумасшедших, но мои друзья, по крайней мере, это критическое общество, которые, как их назвать, деконструкция, постмодернизм, их полностью, полностью поддерживают, подкрепляют лекарства, и это замечательный предмет для исследования — как это таким таинственным и теоретически очень противоречивым образом сосуществует с психоаналитической культурой. Формально, эти же самые люди, при разговоре с ними, формально, они абсолютно против этой натурализации и биологизации психоанализа, а потом они говорят: «Ой, извините, мне нужно принять «Прозак»». Абсолютно невероятно, тихая победа фармакопеи, фармапсихологии, полная победа.

И.П.: Да, и даже сейчас детей с диагнозом «гиперактивность» лечат таблетками.

С.Ж.: Это еще один предмет моего интереса. Думаю, это будет замечательное фукодианское описание, эти новые болезни, на мой взгляд, они полностью построены

¹ Laclau, E., Mouffe, C. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. — London: Verso, 1985.

² Butler, J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. — London & N. Y.: Routledge, 1990.

на идеологии. Новые болезни открывают постоянно. Эти расстройства внимания, или чем бы они ни были. Вот почему я чрезмерно сочувствовал женщине-учителю, которая соблазнила своего ученика, но здесь не это нарушение биполярное. Это важное обстоятельство, в основном, очень часто это всего лишь значит, что иногда у вас бывают перепады настроения. А у кого не так? Это превращается в клеймо, а потом они указывают на то, что-то не так с химическими жидкостями в вашем мозге и прочее. Я имею в виду, что в известном смысле это абсолютно невероятно. У меня был соблазн поиграть с этой идеей, возможно, в направлении вашего «слышания голосов», нет, играть до конца в эту игру и требовать, что, кем бы вы ни были, на этом необходимо сосредоточить внимание, может быть разрушительным. Если вы нормальный, эту нормальность считают патологией, потому что вы патологически идентифицируете себя как нормальный. Поэтому это своего рода упрямство, что это все равно патология, каким бы вы ни были.

И.П.: Именно поэтому Лакан так хорош?

С.Ж.: Да, да, в какой-то мере это его утверждение, да, да. Потому что это действительно ужасно, и, знаете, моя психология, у меня были приступы панического расстройства, очень сильные, значительно сильнее, чем четыре года назад, когда я два месяца был в Анн-Арбор. И я пошел к врачу, потому что они делали это сканирование, которое здесь стоило чересчур дорого. Может быть, они сейчас его делают, но, ладно, вернемся к теме, а затем они отправили меня, сказали мне сходить к психиатру. И я пошел к самому худшему когнитивисту-бихевиористу, и я подумал. Что я подумал, я слышал о том, как они работают, и я подумал, ну ладно, они должны быть немного лучше, будто это всего лишь карикатура, но нет! Это и была карикатура. Этот парень сказал мне: «Послушай, ты публикуешь книги, ты очень известный; почему ты не скажешь себе: я хороший, люди меня любят». Я сказал ему: «А что, если я нехороший! О чем вы говорите? Я не могу этого сделать». И вы знаете, он начал вот так очень примитивно, «скажите себе, что вы хороший, люди должны любить вас». «Но что, если я не такой?» — сказал я ему. Это же нелепо. Что за наивность, абсолютная эпистемологическая наивность, как это сказать, я был шокирован, в смысле, от того, как это работает.

И.П.: В Британии это психотерапевтический тренинг основного направления для психологов и клинических психологов в когнитивном поведенческом подходе. Это то, чему их учат.

С.Ж.: И чем больше они уходят в поведение, они считают, в эти, как вы их называете «модели взаимодействия», вот насколько далеко они заходят. «Почему в этом направлении вы присоединяетесь к этой второстепенной роли?», и так далее.

И.П.: То есть в этом случае они позаимствовали некоторые идеи психоанализа. Когнитивная модель вобрала в себя идеи психоанализа о моделях семьи. Поэтому сейчас это важное занятие среди клинических психологов Британии называется когнитивной аналитической терапией. Это смесь когнитивного и аналитического, и им нравится аналитическая часть, потому что она придает немного престижа, немного статуса, так как они пользуются аналитическими идеями, а когнитивная часть — это научная часть, которая все это связывает.

С.Ж.: У меня есть подозрения, что эта большая фигура в анализе... Адам Филлипс¹ — всего лишь фальшивка.

И.П.: Адам Филлипс, он известный.

С.Ж.: Ненавижу людей, которые играют роль мудрецов.

И.П.: В этих книжечках он на каждой странице пишет коротенькую фразу.

С.Ж.: Если бы я находился у власти, то он получил бы 10 лет перевоспитания в ГУЛАГе, перетаскивал бы землю по 10 часов в день, а по вечерам писал бы повинные. Потому что не знаю, психоанализ ли это с другой стороны?

¹ *Phillips, A.* On Kissing, Tickling & Being Bored – Psychoanalytic Essays on the Unexamined Life. — London: Faber & Faber, 1994.

И.П.: Это распространенная разновидность психоанализа.

С.Ж.: Но он знаменит.

И.П.: Да. Это случай распространения терапевтических идей в культуре.

С.Ж.: Люди обвиняют меня в том, что я всего лишь известен, но парень, который написал, как его, Дилан Эванс, который написал словарь лаканианского анализа¹? Он дал беспринципный анализ принцессы Дианы.

И.П.: Да, было такое, но он ушел, решил, что он не лаканианец, сейчас он занимается эволюционной психологией.

С.Ж.: Да, кто-то говорил, я видел упоминание об этом.

И.П.: Он написал небольшую книгу об эволюционной психологии, но полностью ушел из психоанализа, он в него не верит.

С.Ж.: Да, но здесь я сталинист, и вывод, который нужно сделать — он никогда им не был.

И.П.: Но словарь у него очень хороший.

С.Ж.: В некотором смысле. Когда ищешь определение действительно сложного понятия...

И.П.: Это уже другой вопрос. Да, некоторые из нас, критических психологов, интересуются психоанализом, но проблема в том, что психоанализ тоже является частью «Ψ-комплекса».

С.Ж.: Неужели?

И.П.: Да, психоанализ приводит в норму поведение, подбодряет людей рассказывать о внутренних ощущениях, подчиняет их своего рода аппарату контроля, в котором они, так сказать, двигаются и платят деньги и разбалтывают все специалистам. Говоря чисто фукодианскими терминами, это часть «Ψ-комплекса».

С.Ж.: Да, хорошо.

И.П.: Но проблема в том, справляется ли психоанализ с другими вещами также хорошо. Вот и вопрос: как психоанализ может быть прогрессивной альтернативой психологией, не погружаясь в психологию?

С.Ж.: Боже мой, это очень сложный вопрос, по той причине, что у меня уже паника. У меня почти фобические отношения с психоаналитической практикой. У меня никогда не было даже соблазна заниматься ей.

И.П.: Но вы занимались анализом с Миллером?

С.Ж.: Да, но это был очень искаженный, странный анализ. Я пошел на анализ, потому что был в очень и очень глубоком кризисе, личные причины, неудачная любовь. А потом все заработало чисто по-бюрократически. Он сказал мне прийти на следующей неделе, на следующий день в 5 вечера. Около месяца у меня действительно было суицидальное настроение, и мысль была, что, постой, я не могу покончить с собой, потому что завтра в пять я должен быть у Миллера. Чисто формальная бюрократическая структура обязательства позволила мне пережить сложнейший кризис, а потом это затянулось на годы. Не во все время, только когда я был в Париже, но абсолютно ничего не произошло. Он сказал-то может быть всего пару слов, а потом я просто перестал ходить. Я делал это очень неэтично. Я избегал его, когда был в Париже. Я не говорил ему, что я в Париже, но через пару лет я набрался смелости и отправил ему 2000 франков в письме, — столько стоила одна сессия, — в котором сообщил, что считаю, что это последняя сессия, все кончено. Моим аргументом было то, что ничего не произошло, и что я хочу сохранить психологическую дистанцию в том смысле, что я знаю, что это не работает, но, тем не менее, как дело принципа, не думаю, что это наивность, когда вы изобретаете, вы даже больше обманываете себя. Но все симптомы были поддельные. Я придумал мечты и т. д. Мне хотелось проконтролировать его, потому что я заметил, что при упоминании определенных моментов он реагировал не интерпретацией, а возгласом «неужели», потому анализ с ним был для меня вроде, ну ладно, давайте проведем этот эксперимент, отреагирует ли он на это, и все в таком роде. В каком-то

¹ *Evans, D.* An Introductory Dictionary of Lacanian Psychoanalysis. — London: Routledge, 1996.

смысле я хотел быть под контролем, и через пару лет я окончательно сказал себе, «постой, почему я должен тратить на это деньги? Нет». Поэтому опять это был полнейший провал. Я длительное время саботировал это, саботировал до конца. Но знаете, моя точка зрения такая, как это сказать, думаете ли вы, но я — нет, что, с одной стороны, даже Лакан признает это, что психоанализ возможен лишь с определенными буржуазно-индивидуалистами, думаю, что даже Лакан говорит об этом. Товары широкого потребления, деньги, экономия. Деньги это первостепенное, это должно причинять боль, вы должны платить и т. д. Но, с другой стороны, во что я действительно верю, и Лакан здесь однозначен, что есть специфическое социальное звено, и тут я всерьез ухожу в теорию четырех типов дискурса, а работает ли это в качестве практики, не является для меня таким уж большим вопросом¹. Для меня большой проблемой является то, что, и опять я здесь открыт, у меня нет ответа, что Лакан описывает в качестве специфического аналитического звена. Где некто в межличностном звене принимает это место аналитика, другими словами, вы занимаете место господина, но вы его саботируете, вы — объект всего лишь фрустрирующий. Возможно ли за пределами психиатрической клиники иметь это в качестве образца? С одной стороны, в последний раз, когда я его видел, у меня был долгий разговор на эту тему с Бадью, который также играет с этой идеей, потому что, сменив его позицию, это заключение, естественно, было идеальным, но, возможно, оно было слишком поспешным². Оно было бы таким, чего бы мне очень хотелось, то есть доказать, насколько практика революционна, что существует определенный революционный момент, структура которого сходна со структурой аналитического дискурса. То, что лидер ленинизма не господин, но тот, кто являет собой расщепленный субъект с безвыходным положением, это ленинская суть знания. Что ваши знания находятся в истинном месте, и вы производите, но производите только в том смысле, что вы избавляетесь от этого, т. е. вы раскрываете означаемое господина. А с другой стороны, я хорошо осознаю, что мы можем играть в эти игры, а потом вы спрашиваете себя, в чем состоит большое дело, если вы, так сказать, вписываете определенную практику ленинизма в аналитический дискурс. И знаете, даже Бадью сказал мне, что даже он здесь не уверен. Это его привлекает. В то же время Бадью давно отстаивает типично французский тоталитарный дискурс господина, но также задается вопросом, почему дискурс господина должен быть плохим? Не за это ли мы должны бороться, но мой вопрос выходит за пределы этой клинической проблемы в том смысле, что я думаю о двух вещах. Я думаю, что все же, я все еще считаю, что на уровне работы с ними, как их назвать, какой здесь термин, правильный термин, с людьми, у которых имеются психологические проблемы, кто они, это проблема политической корректности, я не знаю. Ладно, как бы мы их не назвали.

И.П.: Клиенты, анализанты.

С.Ж.: Я все еще считаю, что существует определенная роль, которую здесь может выполнить лишь занимающий место аналитика, т. е. ясно, что у вас нет никаких этических требований и т. д., и вы занимаете место фрустрирующего объекта. Я думаю, что любой процесс эмансипации, ловушка нормативизации чего бы ни было, образования, должен пройти через эту стадию; что фигура, пытающаяся обучить вас чему бы то ни было, — на сей раз в хорошем смысле этого термина, — должна выполнять обязанности. И я не знаю, как это будет выглядеть с точки зрения клиники, но не думаю, что другие традиции психиатрии, где вы взаимодействуете с клиентами или все, что вы делаете с клиентом, может это заменить. Но для меня более существенной проблемой является то, о чем мы уже говорили вчера, т. е. существует ли за пределами клиники что-то, подобное аналитическому звену? То, о чем мы вчера говорили, составляет большую проблему, т. е., как в терминах Фрейда, мы можем задумываться, так скажем, о революционном коллективе, Бадью и здесь предельно ясен. Коллектив

¹ *Lacan, J.* The Other Side of Psychoanalysis: The Seminar of Jacques Lacan. Book XVII (translated with notes by R. Grigg, originally published 1991). — N. Y.: W.W. Norton & Co., 2007.

² *Badiou, A.* Democratic materialism and the materialist dialectic. // *Radical Philosophy*. — 2005. — Vol. 130. — P. 20—24.

для него не есть определенно община или либеральная группа, или что-то еще. Это не общество и не община, потому что — Бадью написал несколько хороших идей, но еще не опубликовал их, — он говорит, что коллектив совершенно разрушает эту стандартную буржуазную оппозицию **Gemeinschaft (общность)** — **Gesellschaft (общество)**. Разумеется, коллектив не является закрытой общностью. Но он и не настолько раздроблен, это всего лишь общество или что-то вроде. Вот что, так сказать, еще меня интересует — серьезные проблемы в рабочем движении, необходимость того, почему фигура господина возникает заново, сталинизм и все такое, и, разумеется, я хочу избежать этого стандартного реакционного психоанализа, который говорит: «О, вы думаете, что можете провести эмансипацию, но мы-то знаем, что господин всегда возвращается» и т. д.

И.П.: Точно.

С.Ж.: Меня все больше и больше интересует опять то, с чем на завершающем этапе боролся Лакан, с этими, всеми этими задачами общества, чтобы создать общество, которое опять-таки нелепо провалилось¹. Но это уже моя проблема. Я не знаю, как здесь ответить.

И.П.: Это именно то, что интересно и мне, как соединить эти теории с практикой. На мой взгляд, круг вопросов теории четырех дискурсов очень полезен, очень полезен при обдумывании недостатков «демократических» терапий, являющихся, например, частью университетского дискурса.

С.Ж.: Да.

И.П.: Однако как связать это с политической практикой. Я тоже не знаю, как это сделать, у меня раздробленная жизнь, я делаю, я занимаюсь лаканианской клинической работой, но она нереволуционная, она нереволуционная, а я марксист.

С.Ж.: Но постойте, моя наивная надежда, очень наивная надежда такова.

И.П.: Было бы легче, будь я райхианцем².

С.Ж.: Да, но Лакан говорит, он эксплицитно говорит, что уровень общественной идентификации, эго-идеал и общественная идентификация, что это то, куда проникает идеология, поэтому забудьте об актуальности, если это позволено, и о лаканианских клиниках, только это все равно предметы психоанализа, и если вы так же, как Лакан, настаиваете, что знаете, что Эго строит себя через идентификацию и все в таком духе, тогда идеология входит в состав анализа. И, как я уже пытался где-то сделать, вы можете интерпретировать истерию как, выражаясь альтюссеррианскими терминами, принципиально сомневающуюся идеологическую интерпелляцию³. Поэтому в этом смысле не является ли позиция аналитика чем-то, что должно, по крайней мере, на каком-то абстрактном уровне, быть тем, что подрывает идеологические идентификации?

И.П.: Да, но не думаете ли вы, что при анализе анализант проводит собственную критику идеологии?

С.Ж.: Да, так должно быть, если это выполняется как следует, как вы считаете?

И.П.: Да, да.

С.Ж.: Потому что в противном случае вы цитируете те нормативные положения, т. е. в противном случае, вы цитируете те нормативные положения, которые уже, которые аналитик уже предоставляет вам. Вот какую проблему я вижу.

И.П.: Некоторые аналитики очень реакционны.

С.Ж.: Точно.

И.П.: Но может ли аналитик критиковать идеологию, будучи с ней незнакомым?

С.Ж.: Нет, еще хуже. Думаю, что эта самая формула объекта и т. д., проблема, которая мне видится, это когда аналитики, не задумываясь, определяют каждую общественную идентификацию как воображаемую, чужеродную и так далее, поэтому вы можете сказать, должны сказать, затем вы интерпретируете позицию аналитика как значение

¹ *Lacan, J. Proposition of 9 October 1967 on the Psychoanalyst of the School. // Analysis. — 1995. — Vol. 6. — P. 1—13.*

² *Reich, W. Sex-Pol: Essays, 1929—1934. — N. Y.: Random House, 1972.*

³ *Althusser, L. Lenin and Philosophy and Other Essays. — London: New Left Books, 1971.*

того, что вы должны выйти за пределы социальных звеньев. Вы знаете, это игнорирование политического как такового, коллективной идентификации как таковой, как основанной на некоего рода неправильном узнавании или, здесь у меня еще одна проблема, — это будет самокритика, у меня был долгий разговор с Бадью на эту тему, и я принял его критику в свою сторону, — правда ли, что этот тип, который Лакан называет лишь единожды, и это очень загадочно, это «пересечение фантазии», столкновение с подобным в другом, правда ли это, не является ли это имплицитной пресуппозицией лаканианской теории и практики, что это, используя традиционные термины, самый «аутентичный» опыт, который вы пережили, но правда ли это? Действительно ли мы должны сказать, что ультимативный аутентичный опыт — это то самое моментальное озарение, и что каждая общественная идентификация уже есть коллективная борьба. Что есть в этом что-то неправдоподобное в патетическом смысле. Я сомневаюсь, что также, я сомневаюсь, я сомневаюсь, я очень боюсь этой идеи, этой, на мой взгляд, глубоко реакционной идеи, ведь тогда вы почти в одном шаге от Л. Стросса, вам известно, что истина — это что-то, что не может поддерживаться массами¹.

И.П.: Тогда еще один вопрос о роли психоанализа. Как мне кажется, психоанализ это антипсихология. Он дает настолько отличное от психологии определение субъективности, которое выполняет роль разрушающей силы в психологии. Вот почему его можно использовать в качестве практики.

С.Ж.: Да, но даже Лакан здесь не уверен. Большая проблема в том, заменяет ли он всего-навсего психологию, или — Лакан здесь не уверен, — иногда Лакан утверждает, что у психологии собственная узаконенная сфера, а психоанализ лишь специфика.

И.П.: Да, да, я думаю, что здесь он ошибается.

С.Ж.: Он не прав в том, что психологию надо признавать наукой со своим собственным предметом, но, возможно, он прав в том, что психоанализ может заменять всю сферу, понимаете, о чем я?

И.П.: Да.

С.Ж.: Все эти проблемы, которыми занималась психология, я имею в виду, что вам необходимо дать о них некое представление. Но думаете ли вы, что психоанализ может справиться с этим? У вас действительно происходят когнитивные процессы, боже, они же происходят, они же происходят.

И.П.: Да, возможно.

С.Ж.: Я имею в виду, что в немного примитивной форме это то, чем занимался Хольцкамп.

И.П.: Да, точно, именно так.

С.Ж.: В немного примитивной форме его идея звучала так, что раз люди действительно исполняют обязанности, то он, — это был своего рода марксистский подход к тому, как через работу развивается познание и т. д., — у него было, если было, он был очень, слишком сильным для меня, он хотел простую позитивную науку.

И.П.: О да, это одна из проблем Хольцкампа, что это была позитивная психология, которая очень осторожно строила элементы альтернативной системы. Извините, но вопрос действительно о психоанализе, о том, что сам по себе психоанализ все еще является продуктом социальной формации определенного вида.

С.Ж.: Да, но как и все. Не думаю, что с точки зрения марксизма здесь должна быть какая-то проблема.

И.П.: Поэтому раз мы боремся с капитализмом, то нам следует предвкушать время, когда психоанализ как таковой исчезнет, да?

С.Ж.: Да, но одновременно не будет ли тем же самым, если скажем, что подобное происходит с Марксом, я имею в виду, где здесь отличие?

И.П.: Да, я согласен, но в процессе политической борьбы вы в своей собственной критике выполняете тот вид перформативного самораспада государственного аппарата, не так ли?

¹ *Strauss, L.* On Tyranny. — Chicago: University of Chicago Press, 2000.

С.Ж.: Да, но в случае с Марксом это сильнее, может даже получиться так, что как теория марксизм будет не нужен.

И.П.: Согласен, но психоанализ говорит о себе так, будто он является самостоятельной теоретической системой, которая открыла истину человеческой субъективности и не думает о ее конце, не так ли?

С.Ж.: Это так, да, хотя у меня есть здесь некоторые малозначительные проблемы, в том смысле, что я все еще думаю, что...

И.П.: Это как в вашей книге, где вы говорите, что пристальный взгляд действенной в восточных культурах, но как такое может быть, если они не буржуазные субъекты¹?

С.Ж.: Но почему вы считаете, что пристальный взгляд характерен для буржуазной культуры? Ладно, здесь мой ответ будет следующим.

И.П.: Но в случае с Адамом и Евой вы говорите, что для Адама и Евы пристальный взгляд был важен.

С.Ж.: Постойте, постойте. Вы все время находите высказывания, подобные этому, которые служат идеальной иллюстрацией, вы всегда находите их у Маркса. Мой ответ не будет знаменитым — «строение человека есть ключ к строению обезьяны». Но мой аргумент такой — через открытие Фрейдом эдипова комплекса стало возможным читать прошлое задним числом. Я имею в виду, я говорю, что у меня нет проблем с универсальными требованиями психоанализа, я думаю, что в таком же виде, как требует Маркс, я имею в виду, что у Маркса всегда находятся эти колебания. Знаете, с одной стороны капиталисты, буржуазия, первый класс, а с другой стороны, вся история были той идеей, что универсальные требования и специфическая ситуация не исключают друг друга. Я согласен с вами, но если вы задаете более радикальный вопрос в том смысле, что, тем не менее, эти основные требования, отчуждение в означаемом, репрезентация, фантазия, реальное, является ли это универсальной структурой? Являются ли они более существенными? Ну, я бы сказал, покажите мне ту теорию, в которую они не входят. Что касается высказываний Маркса о рабоче-производственном процессе и т. д. У него более, как это, более радикальное высказывание. Поэтому мы опять возвращаемся к тому моменту, который я хотел проговорить ранее. Не думаю, что вы можете полностью избежать, как их назвать, более некоего рода онтологических обязательств, даже если теория хочет быть принципиально историзирующей, вот почему я думаю, что, например, у Фуко, точно у Фуко, вы можете управлять, вы можете распознать это напряжение в самом чистом виде. С одной стороны, Фуко оказывается этим безупречным историком разных эпистем и т. д.² Однако, направляясь к концу, я утверждаю, что здесь есть единственный момент истины, в другой ужасной книге, ее нужно сжечь, двадцать лет ГУЛАГа, Хабермас, это самая плохая книга когда-либо написанная. «Философский дискурс о модерне» Хабермаса³. То есть, представьте проведение простого мысленного эксперимента, представьте, ну скажем, главу из Деррида или Батайя, которую анонимно копируют в качестве семинарского доклада, и представьте студента, который несет ее профессору, она будет отвергнута как несерьезная, это настолько поверхностно. Немного лучше обстоят дела у Хабермаса с критикой Фуко, в которой он говорит о внезапной перемене, что у позднего Фуко все эти положения касаются власти, и они точно сформулированы по типу общих онтологических положений. В этом дискурсе, например, это уже не власть, но только когда поздний Фуко говорит о власти, микровласти, субъективности, субъективности как доводе (оправдание, предлог), вся эта чепуха. Извините, это общие положения. Вот, меня интересует эта середина, да и вообще все, как мы вчера говорили.

И.П.: Но это и есть отличие между теми из нас, которые используют Фуко тактически в разговоре о власти и конфессии, и теми, либералами, которые соглашаются

¹ Žižek, S. *The Puppet and the Dwarf: The Perverse Core of Christianity*. — Cambridge, MA: MIT Press, 2003.

² Foucault, M. *The Order of Things*. — London: Tavistock, 1970.

³ Habermas, J. *The Philosophical Discourse of Modernity*. — Cambridge: Polity Press, 1990.

с поздним Фуко и говорят: «Да, власть есть всегда, где власть, там сопротивление, все просто».

С.Ж.: Да, но нельзя так просто смотреть на это, потому что первая моя проблема, даже со сторонником историзма Фуко, в том, что я не возражаю, я всегда непроизвольно подозрительно отношусь к идее, что в определенный момент истории события идут неправильно, а потом, старая Греция до сих пор в порядке, или как Япония Бартеса, вы знаете, что строите что-то другое, где его еще не было. Здесь я марксист, но, боже, отчуждение — это лучший термин, отчуждение это хорошая вещь, это единственная возможность свободы или чего бы у нас ни было. Но, тем не менее, моя позиция такова, что вы не просто можете принять хорошего Фуко — сторонника историзма против плохого. Была определенная крайняя необходимость, которая подтолкнула его в этом направлении, по этому пути. С другой стороны, Лакан в том же самом был эффективно непоследовательным. Например, вы знаете, что у Лакана, с одной стороны, да и у вас, есть эти положения, которые, по крайней мере, выглядят универсальными, — по вопросу означаемого и прочее — но с другой стороны, у вас есть удивительные историзирующие положения Лакана, наподобие таких, когда он говорит, что субъект Фрейда есть картезианское *cogito*, это субъект бессознательного, и у вас много таких положений, которые очень четко помещают психоанализ в определенный момент буржуазного индивидуализма с денежными отношениями и так далее. Поэтому, как это сказать, моя проблема лишь в том, что ваш историзм не проявляется, вы таким же образом вовлекаетесь в него, и здесь я был неистово зол на Эрнесто, я уже говорил вам, и на Джудит в той книге¹. Они не соответствуют этому основному подходу, который, обратимся к Джудит, а не к Эрнесто, не правда ли, что в ее книге «Обеспокоенность гендера» есть определенное очень наивное повествование, подчеркивающее это, что при нулевой точке они были глупыми эссенциалистами, но медленно становились лучше, теперь мы знаем, что гендер строится полностью в зависимости от обстоятельств, но нет ли у нее недостатка чего-то вроде метаповествования. Почему сотни лет назад люди были такими глупыми? Как будто это потому, что она говорит об этом.

И.П.: И почему они такие умные сейчас, когда все еще существует капитализм?

С.Ж.: Да потому, что когда она опять говорит об этом возможном, дискурсивном, перформативном строении гендера, она описывает не только определенный момент, она ясно делает универсальное утверждение. Надо быть уже ироничным, но парень из племени изнасиловал свою жену, и это уже был дискурсивный контр-акт. И опять, почему мы знаем это сегодня? Что-то есть, как у Эрнесто. Знаете, однажды я раскритиковал ее в дружеских дебатах лично, когда где-то за ужином нас было только двое, и ее ответ был типично фукодианским, ее ответ был, что вопрос, на чем держится моя теория, неправильный. Фуко сказал, что это неправильный вопрос, это он даже, она даже обвинили меня в репрессивности в контролирующем виде, это, знаете, будто вы хотите связать меня, идентифицировать меня, вы говорите, как полицейский. Бог мой, она запретила фундаментальный вопрос о том, как она может говорить, что и я, когда обратил ее внимание, она даже противоречит противоположному Фуко, который, ну, всякая теория это, вы знаете, его знаменитое, что каждая теория, даже если она об истории, каждая история это онтология настоящего. Вот, что касается этого другого Фуко. Поэтому опять, другое мое противоречие, по крайней мере, с ее последователями-фундаменталистами, с Джудит в том, что они действительно думают, и я здесь резко не согласен, что их борьба не является одной из многих, но она парадигматическая модель всего угнетения. На самом наивном уровне я с этим не согласен. Во-первых, потому, что я вижу пути того, как борьба с гомосексуалистами может быть заново выделена либеральной идеологией, чтобы отстранить страны третьего мира как примитивные, и здесь так много аргументов против этого, что вы легко можете довести ее до модели, до той самой модели, той самой модели угнетения и т. д.

¹ Butler, J., Laclau, E., Žižek, S. Contingency, Hegemony, Universality: Contemporary Dialogues on the Left. — London: Verso, 2000.